

Доменико и сам чувствовал, что готов сдаться под натиском его слов. Древний гуцинь, разменявший второе тысячелетие, — не просто безмолвный свидетель ушедших эпох, но сама история, обретшая плоть. Подобный шедевр действительно заслуживал благоговения.

— Это просто невероятно, — искренне выдохнул Доменико, но тут же спохватился, стряхивая наваждение. — Послушай, я хочу сказать... даже если вы его отыщете, время вряд ли пощадило инструмент. Он уже совсем не такой, каким вы его себе представляете. Неужели в этих поисках есть хоть какой-то смысл?

— Есть, — коротко отрезал Чжун Ин.

В его голосе звенел металл. Юноша выказал то глухое, непреклонное упрямство, каким отличаются все эксцентричные музыкальные гении, когда-либо встречавшиеся Доменико на жизненном пути. Этот парень не отступил бы и на вершок.

Доменико ощутил смертельную усталость. Недовольно нахмурившись, он решил проявить жесткость.

— Хватит, малец. И не думай больше заговаривать со мной об этом, не то я обо всём доложу старику Беллу!

Наконец-то в его жизнь вернулись благословенный покой и тишина.

Чжун Ин послушно вернулся к репетициям, Ли Цзиньцю со спокойной душой наслаждался музыкой, а сам Доменико ни капли не стыдился своей давешней угрозы ябедничать. Напротив, он испытывал глубокое облегчение от того, что сумел вовремя пресечь опасный разговор.

Ранним утром следующего дня Доменико разбудил телефонный звонок от дворецкого семейства Беллу. Наскоро собравшись, пианист отправился с визитом к своему старому другу.

Машина затормозила у ворот великолепного, дышащего суровым величием особняка. Старинные резные колонны из серого камня подпирали своды традиционной итальянской виллы — в стране, давно позабывшей монархию, род Беллу по праву считался некоронованной аристократией.

В прежние времена великие пианисты почитали за честь служить при королевских дворах; Доменико же связал свою судьбу с домом Беллу, нисколько не умаляя собственного достоинства.

Следуя по пятам за престарелым дворецким, Доменико вскоре очутился в залитом мягким утренним светом патио. Гаррисон Беллу сидел в инвалидном кресле посреди цветущего сада.

Сквозь редкие седые пряди просвечивала пергаментная кожа черепа. Старик полулежал,

прикрыв глаза под неторопливые, убаюкивающие звуки лившейся из динамиков музыки, и казался тихим и безмятежным, как любой глубокий старец на склоне лет.

— Беллу, приветствую, — негромко окликнул его Доменико. — Что на сей раз звучит у тебя в саду?

Беллу приоткрыл веки. Голос его прозвучал слабо, но на удивление отчетливо:

— Фань Чэньюнь. Вслушайся в этот инструмент, Доми. Какая красота.

Над патио поплыл глубокий, первозданно чистый звук гуциня — неторопливые переливы классической пьесы «Высокие горы» рождали в воздухе звенящую прохладу.

Доменико вежливо замер, не желая мешать другу наслаждаться музыкой. Сам же он невольно принялся высчитывать возраст того десятиструнного инструмента, о котором твердил Чжун Ин.

Династия Тан... Это ведь примерно между седьмым и десятым веками нашей эры.

С историей у пианиста всегда было неважно, но даже его приблизительные подсчеты приводили в трепет. Уму непостижимо: деревянный инструмент умудрился пережить целое тысячелетие! Он ведь появился на свет одновременно с первыми григорианскими хорами!

Как только стих последний аккорд, Доменико осторожно, прощупывая почву, спросил:

— Беллу, не хочешь ли ты послушать живое сольное выступление на гуцине? Специально для тебя. Я тут недавно наткнулся на одного совершенно невероятного мальчишку. Настоящий самородок.

Беллу презрительно фыркнул. На его изборожденном глубокими морщинами лице проступила едкая, скептическая усмешка.

— Всё, что играют прочие так называемые мастера, кроме Фань Чэньюня, — не более чем несносная какофония. Бессмысленный шум, от которого у меня только голова раскалывается.

В своей слепой нетерпимости к другим исполнителям старик оставался верен себе.

Эта одержимость началась пять лет назад, когда Фань Чэньюнь впервые посетил Италию с гастролью. Тот единственный концерт перевернул душу старого коллекционера, и с тех пор в мире для него существовал лишь один эталон.

Ни один гуцинь под луной не мог сравниться с принадлежавшей Фань Чэньюню древней реликвией по имени «Великая чистота».

Присев на стоявшее рядом плетеное кресло, Доменико снисходительно улыбнулся:

— Никак не возьму в толк, отчего ты так прикипел сердцем именно к этому Фаню?

Безусловно, Фань Чэньюнь превосходил большинство известных Доменико музыкантов. Однако сам пианист, судя профессионально, считал, что на уровне истинного мастерства глупо мериться техникой — тут уже правит бал индивидуальный стиль.

Но Беллу упрямо стоял на своём:

— Он другой.

Старик покачал головой:

— Фань не похож ни на одного из ныне живущих музыкантов. Потому что он — Фань Чэньюнь.

Беседа затянулась, и они неторопливо перебрались из сада в просторный прохладный кабинет.

Дверные створы из тяжелого резного дуба распахнулись, открывая взору Доменико до боли знакомое убранство.

На самых видных местах вдоль стен висели вставленные под стекло старинные письма, присланные когда-то Шэнь Линем.

На пожелтевшем пергаменте аккуратным почерком были выведены слова поздравлений и дружеских напутствий. И пускай текст на итальянский переводили сотрудники китайского посольства, сквозь сухие строчки Доменико явственно ощущал ту искреннюю, нерушимую теплоту, которую господин Шэнь пронес сквозь годы и разделявшие их океаны.

Старик Беллу часами просиживал здесь в полном одиночестве, глядя на эти хрупкие свидетельства ушедшей эпохи и оплакивая безвременно ушедшего друга, покинувшего этот мир почти семьдесят лет назад.

Доменико порой казалось, что манера игры Фань Чэньюня какими-то неуловимыми деталями напоминала Беллу о Шэнь Лине, оттого музыка молодого виртуоза так глубоко ранила сердце упрямого старика.

Доменико лениво скользил взглядом по рамкам с письмами, как вдруг за его спиной раздался

негромкий голос:

— Доми, сделай для меня кое-что.

— Что именно? — обернулся пианист.

В душе пианист невольно сжался. Ему уже начинало казаться, будто из простого музыканта он за пару дней превратился в какого-то международного агента по подбору персонала — ну решительно каждому от него что-то требовалось!

С трудом подавив вздох раздражения, он выдавил вежливую улыбку и произнес как можно мягче:

— Я вас слушаю.

Беллу, тяжело вздохнув, заговорил хриплым, уставшим голосом:

— Мне нужен толковый, опытный мастер по ремонту гуциней. Пусть осмотрит один инструмент из моей закрытой коллекции. В последнее время он звучит как-то фальшиво... Кажется, струны совсем разболтались.

Старик строго прищурился:

— Но учти, человек нужен проверенный. Я посторонних к своим сокровищам на пушечный выстрел не подпускаю.

Выслушав друга, Доменико мгновенно вспомнил дерзкие слова Чжун Ина.

«Тот инструмент, что уехал в Китай, — искусная подделка, — вспомнил он его слова. — Настоящий десятиструн до сих пор хранится у Беллу».

Сердце пианиста пропустило удар. Вот он, шанс! Идеальный повод провести Чжун Ина на виллу! Ему безумно захотелось тут же дать согласие.

Доменико уже открыл было рот, но натолкнулся на пристальный, пронизательный взор Беллу. Ему показалось, будто старик видит его насквозь, читая потаенные мысли.

Спина музыканта мгновенно взмокла от пота. Он вовремя прикусил язык.

— О, помилуй, дорогой друг, — торопливо пошел на попятную Доменико, изображая на лице крайнее замешательство. — Я ведь обычный пианист, откуда мне знать тонкости ремонта этих

диковинных китайских шуток? Позволь, я лучше переговорю с реставраторами из твоего музея. Насколько мне известно, они уже имели дело с инструментами эпохи Тан. Уж у них-то опыта побольше, чем у любого заезжего умельца. Стоит им взяться за дело — и твоя реликвия снова запоем как новенькая.

— Исключено, — покачал головой Беллу и снова прикрыл глаза. — Они по горло заняты делами выставки. Впрочем, раз ты никого не знаешь на примете, я найду кого-нибудь другого.

Покидая особняк, Доменико так и не решился завести разговор о таинственном десятиструне.

В бесчисленных галереях и залах этой огромной усадьбы Доменико доводилось видеть горы восточных диковин: гучжэны, гучини, янзини, лютни-пила... Страсть Беллу к китайской музыкальной культуре определенно не была притворством ради красивого жеста.

Да и эти бережно сохраненные письма, переведенные под чутким надзором Шэнь Линя, служили неопровержимым доказательством их глубокой, искренней дружбы. Наверное, даже если старик Беллу поддался какому-то безумному порыву и утаил реликвию, у него были на то свои, сокровенные причины...

Этой мыслью Доменико настойчиво пытался унять укоры собственной совести.

Дружеский долг куда святее высоких идеалов искусства. Допустим, он пошел бы на поводу у Чжун Ина, помог тому выдать себя за искусного реставратора и проникнуть в святая святых особняка Беллу... И что дальше? Увидел бы мальчишка этот злосчастный десятиструн — а делать-то с ним что? Схватить и броситься наутек? Это же чистой воды воровство!

К тому моменту, как его лимузин затормозил у парадного входа в театр, от бывшего раскаяния в душе пианиста не осталось и следа.

С абсолютно чистой совестью он переступил порог Зала Роз. Изнутри доносились чарующие звуки безупречной репетиции.

Чжун Ин, одетый в простую хлопковую рубашку, сидел на сцене, полностью растворившись в мелодии «Золотого перезвона». Доменико замер внизу, не в силах отвести взгляд, замороженный виртуозными пассажами этой удивительной гучинь-концертной пьесы.

«Такой одаренный, тонкий юноша... — размышлял Доменико. — Сперва нужно сделать так, чтобы Беллу по достоинству оценил его талант. А уж потом я как-нибудь невзначай обмолвлюсь, что мальчик буквально грезит десятиструнным гучинем. Тогда старик сам, по доброй воле, преподнесет ему этот дар. Вот это будет идеальный финал для всех»

Чжун Ин всё-таки слишком молод и горяч. Стоит ему своими глазами увидеть реликвию в чужих руках — и беды не миновать, парень наделает глупостей. Да, он поступает абсолютно

правильно, оберегая их обоих.

Репетиция подошла к концу. Чжун Ин бережно поднял инструмент со стола и направился к кулисам, где заметил глубоко погруженного в свои мысли пианиста.

— Господин Доменико...

Доменико вздрогнул, словно напуганная птица, и только тогда осознал, что музыка стихла.

— А? Что? Уже закончили? Ну, тогда я, пожалуй, пойду.

Он так суетливо попятился к выходу, точно за ним гнались черти. Чжун Ин невольно окликнул его:

— Вы выглядите очень утомленным, господин Доменико. Быть может, мне сыграть для вас что-нибудь успокаивающее?

— Нет-нет, избавь бог! — замахал руками пианист.

Оставаться наедине с этим юношей сейчас казалось ему верхом безрассудства.

Этот юный китаец всего-то обронил пару фраз о возрасте старинного инструмента, а у Доменико уже вся душа перевернулась вверх дном — он ведь чуть было не выдал все секреты перед старым другом! Если он сейчас послушает его игру, то наверняка лишится остатков разума и превратится в такого же одержимого безумца, как Ли Цзиньцю, слепо покорного воле этого восточного дерева!

— Мальчик мой, пощади меня, я всего лишь скромный, несчастный пианист! — Доменико, помня о собственных интересах и гонорах, попытался напустить на себя суровость. — Терпеть не могу гуцини. Душа к ним не лежит, ясно тебе?

— Это еще что за новости? — из темноты зала соколом вынырнул Ли Цзиньцю, мгновенно почуявший неладное. — Ты смеешь заявлять, будто ненавидишь мою музыку?

— Цю, помилуй, я вовсе не это имел в виду!.. — запричитал пианист. — Я о самом инструменте! Гуцинь! Я терпеть не могу этот китайский ящик со струнами, и неважно, чье авторство на бумаге и кто сидит за столом! Сам гуцинь мне противен, понимаешь ты?!

Ли Цзиньцю грозно свел брови к переносице и выразительно посмотрел на Чжун Ина.

— Хватай инструмент, — скомандовал он. — А я займусь этим упрямцем.

Чжун Ин недоуменно моргнул, наблюдая, как Ли Цзиньцю бесцеремонно хватает несчастного Доменико под локти и, словно жандарм опасного преступника, упрямо конвоирует его в сторону гримерной.

— Сказать, что ты презираешь гуцинь — это расписаться в собственной глухоте, Доменико, — Ли Цзиньцю бесцеремонно усадил друга на диван и навис над ним грозной скалой. — Твоему музыкальному вкусу срочно требуется реанимация. Иначе на следующем же твоём концерте критики не оставят от тебя мокрого места. Напишут, мол, перед нами ветхий, пропахший нафталином реликт, который продал остатки таланта за горсть презренного металла. Настоящий позор итальянской фортепианной школы! Играй ему, — он властно указал рукой на Чжун Ина. — Играй до тех пор, пока эта старая перочница не взмолится о пощаде и не признается в любви к китайской музыке!

— Цю, побойся бога! — взмолился несчастный.

Доменико проклял тот день, когда согласился на эту авантюру. Ну почему он не поехал прямиком к своему врачу сразу после визита к Беллу?!

Ли Цзиньцю, заметив отчаянное сопротивление друга, лишь хладнокровно скрестил руки на груди:

— Что ж, раз ты столь категоричен... Мне остаётся лишь выразить глубокое сожаление и попросить моих давних друзей из ведущих музыкаческих изданий повнимательнее присмотреться к твоей творческой деятельности. Небольшая встряска пойдет твоей угасающей карьере на пользу.

— Ладно, ладно, сыграйте мне! — взмолился Доменико.

Больше всего на свете он ненавидел ядовитых бумагомарак, готовых тоннами изливать желчь на страницах газет и в блогах, безжалостно топча его хрупкое эго. По сравнению с их рецензиями даже пытка китайским гуцинем казалась легкой прогулкой.

Ли Цзиньцю с победным видом захлопнул дверь гримерной и вальяжно устроился в самом удобном кресле, приготовившись бдительно следить за выражением лица пленника.

Однако Чжун Ин, аккуратно опустив инструмент на стол, обернулся к нему и мягко произнес:

— Господин Ли, не могли бы вы оставить нас с господином Доменико наедине?

— Мне уйти? — Ли Цзиньцю недовольно вскинул подбородок.

— У господина Доменико сейчас тяжело на душе, — терпеливо разъяснил юноша. — Музыка призвана подарить ему покой и гармонию, исцелить внутренний разлад. Но ваше присутствие,

боюсь, лишь усугубит его раздражение.

— Вот-вот! Именно! — истошно закивал головой Доменико, внезапно осознав, что идея послушать гуцинь в тишине — не такой уж плохой вариант.

Ли Цзиньцю замялся. Переводя взгляд с Чжун Ина на измученное лицо своего старого товарища, он наконец нехотя поднялся с места.

— Ну хорошо, — бросил он, сурово ткнув пальцем в сторону дивана. — Но учти, Доми, слушай во все уши.

Казалось, этот деспот сейчас потребует подробный письменный отчет о прослушанном произведении и не поставит зачет, если в нем не будет как минимум десятка восторженных эпитетов.

Проводив взглядом послушно вышедшего за дверь Цю, Доменико лишь устало покачал головой.

— Скажи мне, парень, — с искренним изумлением спросил Доменико, когда они остались одни, — как тебе удалось так приручить этого дикаря? Я за двадцать лет знакомства не видел его таким кротким.

Чжун Ин мягко улыбнулся:

— Всё просто. Господин Ли по-настоящему чувствует и понимает инструмент. В Китае таких людей издревле зовут «чжиинь» — родственные души, способные уловить истинное звучание сердца. Ради любимой музыки они готовы спорить до хрипоты, не таясь выражая свои чувства. Со стороны это порой выглядит как безумие или крайнее упрямство.

— Понимаю... — задумчиво протянул пианист. — Боя и Цзыци. «Высокие горы» и «Потоки воды».

«Как Беллу и Шэнь Лин»

— Что ж, валяй, — вздохнул он, устраиваясь поудобнее. Времени у него было предостаточно, да и любопытство взяло верх — ему ведь до сих пор не доводилось слышать сольную игру этого юноши без оркестра.

Доменико с интересом наблюдал, как Чжун Ин настраивает струны своего глубокого, антрацитово-черного гуциня, приподнимая деку точными, отточенными движениями заправского мастера-реставратора.

— И что же ты приготовил для меня? «Три куплета заставы Янгуань»? Или, быть может, «Три вариации на тему цветущей сливы»?

Закончив настройку, Чжун Ин аккуратно положил гуцинь на стол перед собой и негромко произнес:

— Древний напев Императорской музыкальной палаты, бережно реконструированный когда-то господином Шэнь Линем. Мне показалось, именно это произведение сейчас созвучно вашему внутреннему состоянию.

— Вот как? — Доменико сдержанно кивнул, устремив на него внимательный взгляд.

Старик Беллу всю жизнь боготворил память о Шэнь Лине, но так и не сумел раздобыть ни единого обрывка его нотных записей. Откуда же этот дерзкий мальчишка знает репертуар великого мастера, да еще и исполняет его с такой легкостью?

Пианист скользнул взглядом по черному телу инструмента под тонкими пальцами юноши. Звучание этого семиструнного гуциня обладало неповторимым, глубоким тембром — вещь редкая, драгоценная, ничуть не уступающая прославленной «Великой чистоте» Фань Чэньюня.

Европейцу всегда казалось странным то трепетное, почти мистическое отношение, с которым китайцы подходили к своим инструментам. Была ли то древняя реликвия или только что сошедший из-под резца мастера гуцинь, ему непременно давали имя, окружали заботой как близкого друга или кровного родственника, веря, будто дерево способно чувствовать и откликаться на зов музыканта, сопровождая его до последнего вздоха.

В просторной и тихой комнате разлился первый густой, бархатистый аккорд.

Чжун Ин не стал делать театральных пауз и сухого «начнем». Его изящные пальцы просто коснулись шелковых струн, и комната наполнилась величественными звуками древней мелодии, воссозданной гением Шэнь Линя.

Напряжение, сковывавшее Доменико весь этот бесконечный, изматывающий день, начало постепенно отпускать его. Он уже не думал о том, что еще пару минут назад клятвенно уверял всех в своей «ненависти» к восточной музыке. Душа пианиста жадно впитывала чарующие звуки, словно прохладный бальзам на иссушенное тревогой сердце.

Подушечки пальцев Чжун Ина с мягким шорохом скользили вдоль натянутого шелка, порождая особые, тихие, парящие звуки. Как опытный музыкант, Доменико знал, что этот прием называется «цзошоуинь» — скольжение пальцев левой руки по звучащей струне, придающее музыке невероятную интонационную гибкость, схожую с человеческим вздохом.

Его сознание уносилось прочь от реальности. Накативший покой рождал в голове

удивительные картины, претворяя медитативные звуки струн в зримые образы.

Журчащие переливы, рождавшиеся под руками юноши, убаюкивали, напоминая бег широкой, искрящейся на солнце реки. Доменико невольно представил, как по этой неспешной водной глади скользит старая, рассохшаяся рыбацкая лодка.

В его воображении возник образ нищего лодочника в ветхом тряпье, с лицом, опаленным безжалостным южным солнцем и иссеченным глубокими морщинами, в которых навек въелась речная грязь. Старик замахивался тяжелым, влажным веслом, с тихим всплеском погружая его в темную воду, разгоня плавающие на поверхности палые листья и пуская по реке ровные, ленивые круги.

Этот образ поначалу показался пианисту чуждым, но по мере того, как чистые, хрустальные звуки гуциня проникали глубже в его сознание, в груди шевельнулось странное, щемящее чувство дежавю.

Вдруг резкий, отрывистый щелчок струны вспорол мирную картину, заставив Доменико вздрогнуть и разорвав кружево его праздных грёз.

В уши вонзился рваный, торопливый ритм, удивительно похожий на человеческую речь. Это странное подражание голосу мгновенно пробудило в душе пианиста жгучее любопытство. Он весь подался вперед, вслушиваясь в капризные перепады тонов — музыка то звала его по имени, то переходила на глухой, неразборчивый шепот.

И в это мгновение его озарило: говорил вовсе не инструмент.

Это были его собственные, давно похороненные в самых темных уголках памяти воспоминания детства. Они неудержимой лавиной хлынули наружу, сливаясь со звуками гуциня в единое целое.

Ошеломленный, тяжело дыша, Доменико во все глаза смотрел на порхающие над струнами пальцы Чжун Ина. Перед его мысленным взором с пугающей отчетливостью ожила картина из далекого, полунищего прошлого:

Сонная, заросшая тиной речушка на окраине итальянского городка. Старый баркас, на корме которого стоял сгорбленный, дурно пахнущий рыбак.

Топчась по скользким, пропахшим тухлой чешуей сетям, старик хрипло орал ему с другого берега, ядовито ухмыляясь:

— Эй, Доми! Опять бегал в собор на то, как святой отец по клавишам стучит?!

<http://bllate.org/book/20108/1998719>